

6. Советская экономика и ее модель глазами западной советологии

К счастью, исследованиями советской экономики занимались не только советские экономисты, но и западные советологи, создавшие целые школы и направления в своей науке, мало известные в нашей стране. Ведь советская экономика была изолирована от Запада и от мировой экономики, значительная часть нашей статистической информации была засекречена, а публиковавшаяся статистика фальсифицировалась для нужд партийной идеологии и пропаганды. Советологи поэтому вынуждены были обрабатывать горы публиковавшейся советской экономической литературы и выискивать в них зерна правды, создавать собственную статистическую базу, изучать со стороны смысл СМЭ и самой сути реалий социализма. Они старались докопаться до истины, вскрыть реальные проблемы и процессы, происходившие в экономике СССР, и поэтому все их труды у нас были запрещены, на русский язык не переводились, хотя и подвергались порой весьма разнузданной критике. Во многих советских экономических монографиях и учебниках существовал обязательный раздел «Критика буржуазных теорий». Но западные советологи старались еще и потому, что СССР бросил амбициозный вызов Западу с утверждением о превосходстве социалистического строя, выдвижением задачи «догнать и перегнать» и угрозой мировой революции.

Однако сегодня надо честно признать, что в те годы не советская экономическая наука, а западная советология стояла на научных позициях и давала адекватный анализ на значительно более высоком уровне, ставив реальные, а не заидеологизированные вопросы для исследования.

Так, сам термин «командная экономика», более точно отражающий суть советской экономики, впервые появился не у нас, а в США еще в 1963 г. Он был введен в употребление Г. Гроссманом¹. Американский советолог Р. Кемпбелл разработал даже «общую теорию административной экономики». Р. Гринслейд пришел к выводу о том, что рост советской экономики может быть объяснен и понят лишь в рамках «теории бюрократизма». Ряд советологов рассматривали экономику СССР как одну большую корпорацию. А в 80-е годы в США развернулись дискуссии об «экономике дефицита» (Я. Корнаи) и «экономике всеобщего разбалансирования» (Р. Порте, Ван Брабант). Ничего подобного в советской экономической науке не было и не могло быть.

На Западе издано множество работ с анализом «сталинистской модели» советской экономики и предсказаниями ее неизбежного краха. Конечно, советологи не сказали, что этот крах произойдет в 1991 г., более того, они делали прогнозы ее развития до 2000 г., за что потом подверглись жесткой критике, но реалистами они были в значительно большей мере, чем советские экономисты. Ведь им нечего было бояться, они могли говорить и писать то, что думали.

Вот, например, как определяли суть СМЭ американские советологи П. Грегори и Р. Стюарт. По их мнению, эта модель включает такие компоненты, как планирование под партийный диктат; структурные изменения в пользу промышленности (за счет сельского хозяйства), особенно тяжелой промышленности; урбанизация и гигантомания; государственный контроль за финансами и новая роль госбанка; перераспределение капиталовложений в пользу промышленности и транспорта; монополия внешней торговли². Как видим, ни слова о преимуществах и успехах нового строя, только суть объекта исследования. А в заключение вывод об огромной цене, заплаченной страной за переход к нерыночной и неэффективной модели.

Другой американский советолог, Р. Эриксон, специально исследовал силу и слабости советской экономической системы. К ее сильным сторонам он отнес ясность и четкость целей, концентрацию ресурсов на заданном направлении, четкую управленческую иерархию. Все это давало запланированный эффект на определенном отрезке времени и в рамках заданных

¹ См. Post-Soviet Affairs, N 11, 1995, p. 109.

² P. Gregory, R. Stuart. Soviet Economic Structure and Performance, Fourth edition, Harper Collins Publishers, 1990, p. 126.

простых и ясных для понимания целей. Например, создание тяжелой промышленности, коллективизация, стройки коммунизма, «догнать и перегнать» США. Однако при этом обнаружились такие слабости, как неэффективность производства, отсутствие внутренних стимулов и инициатив, отторжение научно-технического прогресса. Постепенно центр терял контроль за разбухавшей экономикой, и она, в конце концов, развалилась в результате исчерпания своего ресурса, внутренней несрабатываемости³.

Анализируя опыт экономического развития СССР, крупный английский советолог А.Ноув пишет, что марксов социализм на деле оказался не научным, а утопическим. Он ошибочно выдвигал идеи создания общества без товарного производства и денег, работающего на основе бюрократической иерархии плановой системы. Опыт СССР показал ее нежизнеспособность, цены выполняли лишь расчетные функции, а сама экономика стала затратной. Попытки перевести ее в русло «рыночного социализма» или соединить государственную собственность с маркетизацией оказались тщетными. «Рыночный социализм на деле оказался химерой, он не может работать в принципе»⁴. Странников «рыночного социализма» на Западе стали называть «наивными реформаторами».

Такого же мнения придерживается и Я.Корнай, который в результате своих исследований пришел к выводу о том, что «социалистическая система сама воспроизводит неразрешимые внутренние противоречия и конфликты и ведет себя иррационально»⁵. Главный институт Системы, считает Корнай, – партия и ее аппарат с бюрократическим контролем всего общества, который неэффективен уже по определению⁶. Но эта неэффективность частично компенсировалась мессианской идеологией и пропагандой. Марксистская идеология укрепляла социализм подобно тому, как капитализм укрепляла протестантская религия. В системе централизованного планирования автор четко прослеживает следующие приоритеты: инвестиционных товаров над неинвестиционными, отечественных изделий над импортными, производственной сферы над непроизводственной, I подразделения над II подразделением, промышленности над сельским хозяйством, тяжелой промышленности над легкой, военного производства над невоенным, нового строительства над ремонтом, всего крупного над малым, важных продуктов над неважными, экстенсивного результата над интенсивным и т.д. Автор забыл еще сослаться на известную «теорию» ведущих звеньев, воплощавшуюся в каждом советском плане и ставшую обоснованием для сознательного формирования диспропорций и дисбалансов в экономике, а также искусственного стимулирования темпов роста на экстенсивной основе и любой ценой. В результате в советской экономике образовалась такая уродливая структура, которая немыслима в условиях рыночной экономики.

Западные советологи давно поняли, что централизованное планирование в принципе не соответствует потребностям современного экономического роста (термин С.Кузнец) и повышения эффективности производства. Известный американский советолог А.Гершенкрон, например, писал, что темпы и пропорции воспроизводства в социалистических странах устанавливались «не на экономической, а на плановой основе», тогда как только рыночный механизм спроса и предложения «образует эффективную систему контроля и корректировки»⁷. Без такого механизма установление реальной сбалансированности и пропорциональности в экономике попросту невозможно.

Лауреат Нобелевской премии американский экономист российского происхождения С.Кузнец рассматривал социалистическое накопление с его высокими темпами как феномен «насилованного роста на основе искусственно создаваемых диспропорций»⁸. В частности, постоянным фактором социалистического воспроизводства он считал «недопотребление населения» и предупреждал: «Политика высоких темпов роста чревата опасными последствиями, взрывом антагонистических противоречий в социалистическом обществе»⁹.

Многие западные экономисты справедливо подчёркивали, что распределение производственных ресурсов в социалистической экономике подчинено принципу «все для будущего». «Поскольку целью является максимальный рост, — писал известный американский советолог А.Бергсон, — плановики предпочитают настоящее будущему, потребление – накоплению»¹⁰. При этом процесс накопления в стране базируется на субъективистском

³ R.Ericson. The Soviet Union: 1979-1990, San Fransisco, 1990.

⁴ A.Nove. The Economics of Feasible Socialism Revisited, Harper Collins Academie, 1991, p. 258.

⁵ I.Kornai. The Socialist System, Oxford, 1992, p. XX.

⁶ Ibid., p. 118.

⁷ A.Gershenkron. Economic Backwardness in Historical Perspectives. Princeton, 1961, p. 278.

⁸ Economic Trends in the Soviet Union. Cambridge, 1963, p. 371.

⁹ Ibid., p. 279.

¹⁰ A.Bergson. The Economics of Soviet Planning. New Haven, 1964, p. 7.

произволе, а «использование ресурсов в СССР вообще не соответствует абстрактным теоретическим принципам»¹¹. К тому же само накопление искусственно ориентируется на увеличение производства средств производства, или на всемерное поддержание высоких темпов экономического роста. А.Бергсон одним из первых на Западе вскрыл наличие реального, хотя и скрытого, инфляционного процесса в СССР, в частности, на примере продукции машиностроения. В это время советские экономисты не могли себе позволить не только говорить, но и думать на эту тему.

Такова была реальность советской экономики, отдельные стороны которой критиковались советскими экономистами (если вообще критиковались) лишь фрагментарно, по частям, без обобщений и выводов о несостоятельности всей Системы. Я уже не говорю о ненаучности и полной утопичности главной цели достижения коммунизма – распределения по потребностям. Этот нонсенс не опровергал ни один советский экономист. Большинство из нас хотело усовершенствовать реальный социализм, не понимая, что он не реформируем по сути. Ещё раз повторю: увы, среди нас не было своих Сахаровых.

Второе важное направление исследований западной советологии – это собственные оценки основных макроэкономических показателей и тенденций экономического развития СССР.

Уже до войны на Западе стало ясно, что бóльшая часть советской экономической статистики (за исключением, например, темпов роста сельского хозяйства и транспортных перевозок) сознательно фальсифицируется. По существу, западная советология сформировала альтернативную статистическую базу по советской экономике.

К сожалению, приходится признать, что все прежние работы советских экономистов базировались на искаженной официальной статистике и, следовательно, несут на себе печать фальсификации. Правда, даже на базе официальной статистики можно было делать достаточно убийственные для СМЭ выводы, но этого никто из советских экономистов до периода перестройки так и не сделал. Советологам в каком-то смысле было намного проще: они свободно оперировали неофициальными данными. Но чтобы их получить, пришлось потратить целые десятилетия упорного и весьма кропотливого труда.

Уже в 30-е годы точность и достоверность темпов экономического роста СССР по данным официальной статистики на Западе стала подвергаться сомнению. Похоже, что первым об этом заявил ещё в начале 30-х годов С.Прокопович, известный российский экономист, бывший министром промышленности во Временном правительстве в 1917 г. и находившийся в эмиграции в Праге. Он писал, что официальные данные о темпах роста национального дохода СССР за 20-е годы не учитывают снижения качества советских товаров по сравнению с качеством аналогичных товаров, произведённых в 1913 г., и, следовательно, являются завышенными.¹²

Впоследствии, когда наиболее важная часть советской экономической статистики оказалась засекреченной, недоверие Запада к её качеству и надёжности возросло. Это и вызвало со временем лавину альтернативных оценок, формирование ряда советологических школ на Западе.

В 1939 и 1940 гг. известный английский экономист К.Кларк опубликовал две книги, в которых привёл свои альтернативные оценки темпов роста национального дохода СССР. Они оказались в несколько раз ниже официальных (в 7,2 раза за 1928-1934 гг. и в 4,5 раза за 1934-1937 гг.).¹³ Впоследствии оказалось, что эти оценки были явно заниженными.

В 40-50-е годы на Западе стало формироваться следующее мнение о советской экономической статистике: 1) из советской экономической статистики заслуживают доверия лишь некоторые данные (например, выпуск продукции в натуральном выражении, грузооборот транспорта, индекс сельскохозяйственного производства); 2) советская официальная статистика строилась по принципу двойного стандарта – достоверные, но секретные данные предоставляются руководству страны, а недостоверные, приукрашивающие ситуацию в стране, предназначены для публики, публикации и пропаганды. Второй пункт впоследствии не подтвердился жизнью.

В конце 40-х – начале 50-х годов западные и, прежде всего, американские советологи (А.Бергсон, А.Гершенкрон, Г.Гроссман, Н.Ясный и др.) провели обширную серию исследований, результаты которых широко обсуждались на многочисленных семинарах и

¹¹ Ibid, p. 13.

¹² См. С.Clark. A Critique of Russian Statistics. L., Macmillan, 1939, p. 16.

¹³ Ibid., p. 41; А.Вайнштейн. Народный доход России и СССР. М., Наука, 1969, с. 102.

конференциях, вызвавших серьёзный резонанс в обществе и правительственных кругах. Всё это подогревалось разгоравшейся «холодной войной», борьбой «двух систем» и т.д.

Так, Н.Ясный, используя значительно более широкий набор товаров-представителей, чем К.Кларк, рассчитал индексы цен и выпуска продукции по многим отраслям народного хозяйства и промышленности СССР и получил темпы роста, намного ниже официальных (по его данным, национальный доход СССР за 1927-1940 гг. возрос в 2,2 раза, по официальным данным – в 5,6 раза, за 1947-1953 гг. соответственно в 1,6 и 2,4 раза).¹⁴

По оценке Ясного, наиболее высокие темпы роста национального дохода и промышленного производства в СССР были не в 30-е, а в 50-е годы, что принципиально отличается от советских официальных данных. Во-вторых, в 30-е годы в СССР имели место абсолютные падения национального дохода (в 1931 и 1932 гг.), что, несомненно, было связано с издержками насильственной коллективизации. Понятно, что ничего подобного советские официальные данные не выявляли. К этому следует добавить, что организованный Сталиным голод в процессе коллективизации был вскрыт публично не в СССР, а на Западе в работах советологов. В-третьих, Н.Ясный обратил внимание на тенденцию к замедлению темпов роста как национального дохода, так и особенно промышленного производства, выявленную им в период 1937-1940 гг. Ничего подобного советские официальные оценки не обнаружили.

Нельзя не отметить и того исследовательского вклада, который внёс Н.Ясный в изучение хода выполнения довоенных пятилетних планов, когда все у нас считали, что они не только успешно выполняются, но и перевыполняются. Он сравнил натуральные показатели производства многих промышленных продуктов по плану и по факту его выполнения и пришёл к выводу о катастрофическом невыполнении принятых до войны в годы индустриализации планов. Это было сделано впервые в мире и подтверждено в нашей стране лишь в последнее перестроечное время.

Постепенно взамен старой теории «двух статистик» в СССР (для начальства и для публики) в западной советологии сформировалась новая теория – «теория айсберга», согласно которой советская официальная статистика состоит из двух частей – небольшой верхней части для публики и пропаганды и огромной нижней – засекреченной части, служащей практическим целям планирования и управления народным хозяйством СССР при единстве статистической методологии, используемой для обеих частей этого айсберга.

С позиций сегодняшнего дня можно утверждать, что эта вторая «теория» западных советологов более или менее близка к реальности, хотя можно спорить о пропорциях между нижней и верхней частями айсберга.

Западные советологи пришли в своём большинстве к выводу и о том, что, несмотря на все недостатки и фальсификации, содержащиеся в советских официальных данных, ими пренебрегать никак нельзя. Более того, без них просто не обойтись при любых альтернативных оценках более или менее реальных показателей развития экономики СССР. Наиболее надёжной частью открытых советских данных было признано считать данные о производстве продукции в натуральном выражении.

Тем не менее и официальные данные о производстве продукции в натуральном выражении требовали весьма внимательного подхода. Так, в результате широко распространённой на советских предприятиях практики приписок объёмы производства в ряде случаев серьёзно искусственно завышались. Классическим примером может служить производство хлопка в Средней Азии, особенно в Узбекистане, отчётный объём которого безбожно преувеличивался (почти на 1 млн. т. в год).

В других случаях производство тех или иных продуктов в натуральном выражении в СССР завышалось по сравнению с данными западной статистики по методологическим и концептуальным причинам. Классическим примером последнего являются данные о производстве и потреблении мяса и зерна в СССР. В данные по мясу ЦСУ СССР включало вес костей и голя, чего на Западе не принято делать, а данные об урожаях зерна ЦСУ СССР в течение долгого времени исчисляло на базе так называемого сначала вида на урожай, затем бункерного веса, т.е. с учётом влаги и засоренности. На Западе принято учитывать урожай по высушенному, очищенному и готовому к употреблению зерну. В этом смысле пересчёты западными советологами советских данных в натуральном выражении были нормальным и полезным деянием, своего рода примером и для советских экономистов.

Что касается советских официальных данных в стоимостном выражении, то за редким исключением на Западе было принято единодушное мнение им не доверять по причине

¹⁴ N.Jasny. Essays on the Soviet Economy. N.Y., 1962, p. 168. А.Вайнштейн. Народный доход России и СССР, с. 119.

сознательного занижения в СССР индексов цен, неадекватности самой системы цен с точки зрения сравнения с западными стоимостными экономическими показателями, не говоря уже о концептуальных различиях в определении самих этих показателей и использовании специфической методологии для их исчисления. Поэтому все западные альтернативные оценки стоимостных экономических показателей СССР, базирующихся на данных в натуральном выражении, разительно отличаются от советских официальных данных.

Также отвергались на Западе и многие структурные показатели, принятые в советской статистике (норма накопления, доли группы А и I подразделения, доли отраслей в сводных показателях и т.д.). Но особое недоверие и даже саркастическое к себе отношение вызывали на Западе официальные оценки военных расходов в СССР. Здесь в советологии также сложилась целая школа, которая по-своему считала военные расходы, военное производство и военный потенциал бывшего СССР. Нетрудно убедиться, что и эти оценки были намного более реалистичны, чем те, которые нам навязывали официальная статистика и советская пропаганда.

Наиболее солидной и фундаментальной статистической и аналитической работой по созданию более реалистичной картины советской экономики явились работы А.Бергсона и его школы. Своё исследование проф. А.Бергсон начал ещё до войны и после её окончания он его расширил, привлёк много талантливых учёных, знавших русский язык, и при поддержке «Рэнд корпорейшн» в 50 – 60-е годы опубликовал важные результаты и выводы.

В конце 40-х годов он начал большую работу по корректировке советских данных о национальном доходе СССР. Затем эта работа перешла в широкое исследование валового национального продукта СССР, определённого по западной методологии. Число взятых им товаров-представителей для расчётов темпов роста советского ВВП достигало нескольких сотен, что было намного больше, чем у других советологов в то время. Все компоненты использованного национального дохода и ВВП СССР были пересчитаны им в цены 1937 г. (в рублях) с помощью множества специально рассчитанных индексов цен.

А.Бергсон определил, что за период 1928-1955 гг. ВВП СССР возрос в 3,5 раза, в то время, как по официальным данным национальный доход СССР возрос почти в 13 раз.¹⁵

Весьма детальные и хорошо обоснованы оценки темпов роста промышленного производства СССР, произведенные американским советологом У.Наттером (его некоторые советские экономисты называли чуть ли не «эсэсовцем от статистики»). Он взял набор из более 100 продуктов для невоенных отраслей промышленности и, используя весовую базу разных лет, определил рост промышленности СССР за 1928-1955 гг. в 6 раз, в то время как по официальным данным он составил более чем в 18 раз.¹⁶ Разница, как видим, существенная.

Однако самые важные и значительные из всех западных оценок альтернативных темпов экономического роста СССР содержатся в работах Управления по изучению Советского Союза (*Office of Soviet Analysis*) американского ЦРУ.

ЦРУ не только шпионило, собирало секретную информацию, но и проводило серьезные научные исследования на базе обобщения и анализа материалов открытой, вполне доступной печати или опросов общественного мнения. В этом управлении было собрано много квалифицированных специалистов по советской экономике, статистиков-профессионалов, использовавших современную вычислительную технику, единую систему и методику расчетов, единые концепции. Управление располагало обширной библиотекой, где было собрано много советских книг, журналов и специальной информации по советской экономике. По существу, это был аналог ЦСУ в США, созданный для альтернативных расчетов показателей и изучения тенденций развития советской экономики. Общее число товаров-представителей составляло несколько сотен. Например, в набор продуктов для расчётов индексов промышленного производства СССР входило 312 наименований. Мне представляется, что, несмотря на все недостатки, работа ЦРУ дала результаты намного более близкие к реальности, чем официальные публикации ЦСУ СССР.

Если сравнить среднегодовые темпы роста ВВП СССР по расчетам ЦРУ и среднегодовые темпы роста национального дохода СССР по официальным расчетам ЦСУ СССР, то получится следующая картина (табл. 1).

Таблица 1

¹⁵ A.Bergson. The Real National Income of Soviet Russia since 1928. Cambridge, 1961, p. 128; В.Кудров. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., Наука, 1997, с. 15.

¹⁶ W.Nutter. Growth of Industrial Production in the Soviet Union. Princeton, 1962, pp. 158, 227.

Сравнение среднегодовых темпов роста национального дохода и ВВП СССР по расчётам ЦСУ СССР и ЦРУ США (%)*

Годы	Официальные данные СССР (произведенный национальный доход)	Данные ЦРУ (ВВП)
1951-1960	10,2	5,1
1961-1965	6,5	4,8
1966-1970	7,8	5,0
1971-1975	5,7	3,1
1976-1980	4,3	2,2
1981-1985	3,2	1,8

И с т о ч н и к: Economic Statistics for Economics in Transition: Eastern Europe in 1990^s, p. 108.

* ВВП США отличается от национального дохода на величину стоимости услуг и амортизации основного капитала. В те годы это были наиболее близкие друг другу макроэкономические показатели в СССР и США.

Эти данные показывают, что альтернативные оценки среднегодовых темпов экономического роста СССР, произведенные ЦРУ, существенно ниже официальных данных СССР (в 1951-1960 гг. в 2 раза, в 1976-1985 гг. почти в 2 раза).

Альтернативные оценки ЦРУ не только подробно изложены и объяснены в методических комментариях, но и содержат дробную структуру сводных макропоказателей почти за 40-летний период времени, чего, естественно, нет в публикациях ЦСУ СССР. Все данные ЦРУ достаточно прозрачны, т.е. при желании или необходимости их можно проверить и исправить.

Оценки ЦРУ отражают заметное замедление темпов роста не только ВВП и промышленности СССР в целом, но и отраслей тяжелой промышленности СССР (черная металлургия, топливная и химическая промышленность, машиностроение и даже производство электроэнергии). Среднегодовые темпы роста машиностроения с 1951-1965 гг. по 1981-1985 гг. снизились более чем в 3,6 раза – с 7,3 до 2,0%. В легкой и пищевой промышленности замедление темпов роста также было весьма существенным (соответственно с 6,2 до 1,6% и с 8,4 до 1,8% за те же годы).

Как обычно, низкие темпы роста были зафиксированы в сельском хозяйстве СССР. Здесь выделяется лишь урожайный 1986 г. (прирост более чем на 10%), в остальное время темпы были значительно ниже: в 1951-1965 гг. – 3%, а в последующие годы совсем плохо (рост всего лишь менее 1% в год). В 1987 г. был спад производства в отрасли на 4%. Что касается сферы услуг и связи, то здесь не было столь серьезного замедления темпов, за исключением, пожалуй, науки, где произошел резкий спад темпов роста (более чем в 6 раз). Это значит, что не только для нынешнего российского, но и для прежнего советского руководства уже давно развитие науки перестало быть приоритетным и важным делом.

Однако помимо темпов экономического роста особое внимание западных советологов привлекали альтернативные сопоставления объемов производимой продукции в СССР и США, будь то ВВП, национальный доход, промышленное или сельскохозяйственное производство, а также таких макроэкономических показателей, как основной капитал, занятость и т.д. Не в последнюю очередь это связано с тем, что как реалистичное представление о темпах экономического роста, так и реалистичное представление о соотношении объемов производимой продукции было необходимо для выработки соответствующих направлений и шагов во внешней политике США. Ведь система главных макроэкономических показателей, по существу, определяет экономическую мощь, а взятая в расчёте на душу населения – уровень экономического развития страны. Для таких сопоставлений нужно иметь паритеты реальной покупательной способности рубля и доллара применительно к разным стоимостным показателям.

Как и в случае с альтернативными расчетами темпов роста экономики СССР, расчеты западных советологов соотношений между СССР и США по ВВП и другим важным макроэкономическим показателям имеют давнюю историю. Еще в 1956 г. бывший директор ЦРУ А. Даллес сообщил, что советский ВВП в 1955 г. составил $\frac{1}{3}$ от уровня США. В это время уже вовсю работала исследовательская команда в рамках проекта А. Бергсона и Рэнд

Корпорейшн, которые имели целью сопоставить не только темпы экономического роста СССР и США (и других стран Запада), но и абсолютные объемы производимой продукции в двух странах¹⁷.

Известный американский советолог М.Борнштейн обобщил результаты работы группы Бергсона и Рэнд и сообщил, что советский ВВП в 1955 г. составил 27% от уровня США при расчетах в рублях и 53% при расчетах в долларах. Средняя геометрическая этих двух соотношений была равна 37,5% (в расчете на душу населения – 32%). Военные расходы составили 84% от уровня США (средняя), капвложения 58%, а потребление населения всего 28% (24% в расчете на душу населения)¹⁸.

Здесь нельзя не сказать и о том, что в некоторых высокопоставленных кругах США уже тогда кое-кто считал эти соотношения завышенными. Поэтому вслед за запуском в 1957 г. советского спутника президент Эйзенхауэр назначил специальную комиссию во главе с президентом «Форд фаундейшн» Гейзером. В своем докладе комиссия Гейзера заключила, что размер советского ВВП превышает $\frac{1}{3}$ американского уровня¹⁹, повторив тем самым оценку А.Даллеса. Но более реалистичную оценку в то время сделал вице-президент «Чейз Манхэттен Бэнк» У.Батлер, который заявил, что советское производство достигает лишь не более 20-25% от уровня США, а не 40%, как это стало широко признаваться в 60-х годах²⁰.

В начале 60-х годов в США было опубликовано много детальных сравнений объемов капитальных вложений, потребления населения, строительства, выпуска машин и оборудования, основного капитала в СССР и США. Продолжались и сравнения ВВП обеих стран. Так, А.Бергсон опубликовал статью, в которой соотношение ВВП за 1955 г. определено в размере 26% при расчете в рублях и 45% при расчете в долларах, что дает среднегеометрическую величину, равную 35%. В 1972 г. он опубликовал сравнения за 1965 г. Теперь оказалось, что при расчете в рублях соотношение ВВП двух стран составило 35%, при расчёте в долларах – 57,5%, а средняя – 45,0%. Как пишет известный советолог Г.Шрудер, по разным причинам сам автор считал эти соотношения завышенными²¹. У разных западных авторов эти завышенные оценки стали повторяться.

Тем не менее не приходится отвергать того очевидного факта, что на Западе, и особенно в США, в целом сложилась весьма активная и профессионально хорошо подобранная и подготовленная школа советологов-компаративистов, которая снабжала общественность и государственные органы США более или менее реалистичной информацией о советской экономике, да ещё сравнимой с соответствующей информацией по экономике США. В запасе у нее имелся обширный набор паритетов реальной покупательной способности рубля и доллара, который можно было использовать для сравнения практически любых стоимостных экономических показателей СССР и США. В таких масштабах, деталях и таком качестве ничего подобного в СССР не было.

Представители советологической школы работали в ведущих университетах, в государственных органах, специальных исследовательских центрах, проводили конференции, симпозиумы, консультировали правительственные инстанции, широко публиковались. Были, конечно, в США и непрофессионалы среди советологов, пропагандисты, которые легковесно рассуждали на тему «соревнования двух систем» в духе советской пропаганды. Только, наоборот, в духе непримиримого отрицания тех реальных производственных достижений, которые безусловно были в бывшем СССР. Но главное – это создание прочной профессиональной базы для советологических исследований.

Именно эти исследования были положены в США в основу известной на весь мир деятельности Объединенного экономического комитета Конгресса, проводившего начиная с 1959 г. регулярные слушания докладов и дискуссий советологов о развитии советской экономики, включая сравнения объемов производства, или экономической мощи СССР и США. Затем к слушаниям по СССР добавились слушания по странам Восточной Европы и по Китаю. Эти доклады (так называемые зеленые и белые книги) какое-то время публиковались даже после развала Советского Союза.

Порою сравнительные исследования западных советологов уходили далеко в глубь истории. Так, согласно оценкам американского советолога Г.Блока, в 1860 г. ВВП России и США был практически одинаков. Но поскольку численность населения России тогда была в 2,3

¹⁷ Post-Soviet Affairs, 1995 N 11, p. 213.

¹⁸ Ibid., p. 212.

¹⁹ Estimating the Size and Growth of the Soviet Economy, Joint Economic Committee, Wash., 1991, p. 2.

²⁰ В.Кудров. Советская экономика в ретроспективе: опыт переосмысления. М., Наука, 1997, с. 237.

²¹ Post-Soviet Affairs, 1995, N 11, p. 213.

раза больше, чем в США, ВВП в расчете на душу населения в России составлял чуть более 40% американского уровня.

В 1913 г. ВВП России был уже намного меньше американского и достигал, по оценке Блока, 39% от него в результате отставания России от США по темпам экономического роста. Однако, поскольку численность населения России в этом году лишь на 62% превышала численность населения в США, душевой ВВП России был равен всего 24% от уровня США²².

В годы первой мировой войны и особенно в годы «военного коммунизма» и гражданской войны в России соотношение экономической мощи России к уровню этой мощи в США значительно уменьшилось. Однако уже в 1928 г., по оценке Блока, ВВП СССР достиг 27% американского уровня. Перед войной, в 1940 г., это соотношение уже составляло 42%, т.е. превышало уровень 1913 г. в результате превосходства СССР над США по темпам экономического роста. В годы Великой Отечественной войны, когда ВВП СССР сократился, а ВВП США резко возрос, рассматриваемое соотношение, естественно, снизилось и в 1948 г. составило не более 29%, что было чуть выше соотношения 1928 г. Однако в 1948 г. численность населения СССР была лишь на 19% выше, чем в США, и поэтому ВВП на душу населения в СССР составил всего 24% от уровня США, т.е. как и в 1913 г.

В послевоенные годы, по оценкам Блока, соотношение между ВВП СССР и США постепенно увеличивалось в пользу СССР в результате нашего превосходства по темпам экономического роста. Этот процесс он проследил до 1975 г., т.е. до резкого снижения темпов экономического роста в СССР. Так, в 1950 г. указанное соотношение составило 33%, в 1960 г. – 40, в 1970 – 49 и в 1975 г. – 53%²³.

Начиная с 60-х гг. западные советологи все возрастающее внимание стали уделять не только сравнению объемных макроэкономических показателей СССР и США, но и сравнению показателей эффективности производства (производительности труда, фондоотдачи, факторной производительности и т.д.), что в СССР делалось лишь частично (как правило, только производительности труда). Главный источник неэффективности советской экономики проф. Бергсон, например, видел в отсутствии трудовой мотивации. Он писал, что исторически одна из причин превосходства США над Западной Европой по эффективности производства заключалась в более высокой мотивации к производительному труду, заставляющей американского рабочего более прилежно и заинтересованно трудиться. А в СССР общественная собственность на деле не привела к увеличению степени заинтересованности работника в своем труде. Он считал, что социализм не создал собственных рычагов повышения эффективности труда и производства²⁴. И все попытки ослабить уравниловку в области оплаты труда, увеличить ее дифференциацию, повысить долю сдельной оплаты в противовес повременной и т.д. не дали, да и не могли дать результатов. В свою очередь советское государство не заботилось о психологии, культуре труда, оно заботилось прежде всего о контроле над рабочей силой, ее образовании, лояльности и т.д. Практически, писал проф. Бергсон, советские рабочие, как рабочие не ориентируемые свободно, не были заинтересованы ни в зарплате, ни в научно-техническом прогрессе. Директора же советских предприятий стремились лишь к выполнению и перевыполнению планов и к удачному рапортованию.

Сейчас делать такие выводы стало обычным делом в России. А в 60-е годы советские экономисты в своем большинстве так не думали, да и не могли думать (тем более публиковать). Советологи же пришли к этим выводам сами, и, надо сказать, своевременно, не в последнюю очередь на базе изучения фактов, черпаемых из советской экономической литературы и своих статистических сопоставлений.

В 1981 г. ЦРУ провело фундаментальный анализ и сравнение потребления населения в СССР и США и пришло к выводу, что в расчете на душу населения потребление населения в СССР в 1976 г. составило 34,4% от уровня США²⁵. Эта цифра стала объектом детальной проверки и острой критики со стороны И.Бирмана (американский советолог, эмигрант из СССР, позже вернувшийся на родину). Хотя последний сам и не проводил собственных прямых сопоставлений потребления населения в СССР и США, он весьма тщательно прошёлся по расчётам ЦРУ и сделал ряд поправок на различия в качестве товаров и услуг, их доступность для потребителя, на различия в товарном ассортименте в обеих странах и т.д. В результате этих поправок, соотношение, полученное ЦРУ по душевому потреблению мяса и рыбы в СССР и США, было уменьшено, например, вдвое (!), соотношение по потреблению молока на 7%,

²² Soviet Economy in a New Perspective, Joint Economic Committee, Wash., 1976, p. 246.

²³ Ibid.

²⁴ См., например, его книгу “Planning and Performance in Socialist Economies”, Boston, 1989.

²⁵ Consumption in the USSR: An International Comparison, GPO, Wash., 1981, p.5.

овощей и фруктов на 20%, безалкогольных напитков, табака и обуви тоже вдвое и т.д.²⁶ В целом Бирман уменьшил общее соотношение душевого потребления в СССР и США с 34,4 до 22,4%. Это послужило началом политических обвинений в адрес ЦРУ по вопросам международных экономических сопоставлений прежде всего со стороны Минобороны США и ряда конгрессменов.

Как уже говорилось, начиная с 70-х годов главную роль в области сопоставлений экономики СССР и США стало играть ЦРУ, в оценках которого постепенно тоже стали складываться соответствующие стереотипы. ЦРУ регулярно давало свои оценки соотношения ВВП СССР и США. Минимальное соотношение (40%) было определено им за 1955 г., максимальное (62%) – за 1975 г. За 1989 г. это соотношение было равно 51%. С 1975 по 1989 гг. (за 14 лет) оно было снижено на 11 процентных пунктов. Тем не менее обращает на себя внимание определенный стереотип в цифрах: за 1965 г. оценки, произведенные в разные годы, давали соотношения в рамках 44-50%, за 1975 г. – в рамках 56-62%, за 1985 г. – 52-55%. Нечто подобное было и в расчетах ЦСУ СССР.

В 80-е годы параллельно с работой ЦРУ стала разворачиваться Программа международных сопоставлений ВВП разных стран под эгидой ООН. И хотя СССР не участвовал в этом проекте вплоть до 1990 г., ООН оценила объем ВВП СССР за 1965 г. в размере 41,5% от уровня США. За 1973 г. ООН получила соотношение этого показателя уже в 45%²⁷.

В 1994 г. Европейская экономическая комиссия ООН опубликовала результаты сравнения ВВП СССР и США за 1990 г., в котором СССР уже официально принял участие. Все расчеты проводились не напрямую с США, а через Австрию. Методология расчётов, проводимых в рамках Программы международных сопоставлений ООН, основывалась на репрезентативной выборке товаров-представителей с корректировкой цен на различия в качестве сравниваемых товаров. Оптимальным считался набор из 600-800 потребительских товаров и услуг, 200-300 видов машин и оборудования и 10-20 строительных объектов-представителей²⁸.

В результате этих сопоставлений оказалось, что душевой ВВП СССР составил в 1990 г. 34% от уровня США. Учитывая, что население СССР в то время составляло 289 млн. человек против 250 млн. человек в США, можно заключить, что по общему объему ВВП уровень СССР составлял около 40% от уровня США. Это соотношение оказалось значительно меньше прежних оценок ООН и ЦРУ, хотя и оно, несомненно, завышено.

ЦРУ тоже стало пересматривать свои прежние оценки, и на слушания в Конгрессе в 1990 г. представило новую оценку – 35%, заметив при этом, что и она может быть завышена на 10%²⁹. Известный шведский советолог А.Ослунд считал, что душевой ВВП СССР в 1986 г. равнялся 33% от уровня США, что означает, что соотношение двух стран по ВВП в целом составляло 38%. Исследование, проведенное Мировым банком, определило душевой ВВП СССР за 1980г. в размере 37% от американского уровня. Это значит, что соотношение ВВП в целом составило 43%. По мнению американского советолога Р.Эриксона, ВВП СССР в 1989 и 1990 гг. был равен 1/3 от ВВП США³⁰.

Таковы общая хронология и масштаб статистических оценок стоимостных макроэкономических показателей СССР и США, проведенных западными советологами. Из рассмотренного нами советологического опыта можно сделать вывод о том, что наиболее добротная и тщательная работа по сопоставлению ВВП СССР и США, проведенная ЦРУ и ООН, как правило, давала по сравнению с реалиями результат, завышенный на 10-30 процентных пунктов. Отдельные исследователи получали более низкий, т.е. более правдоподобный результат. Были и такие, которые, наоборот, давали еще более завышенные оценки.

Однако в целом надо признать, что западная советология внесла свой ценный вклад в формирование более реалистичного понимания сути и конкретных процессов развития советской экономики и СМЭ. Поэтому именно она, а не советская экономическая наука, заслуживает награды за проделанную работу.

Исследования западных советологов велись на фоне явной фальсификации, которую упорно и настойчиво проводила советская официальная статистика. Напор победных реляций и шапкозакидательских выводов в отношении якобы победного хода экономического

²⁶ И.Бирман, Экономика недостатч, Benson Vermont, 1983, pp. 267, 272.

²⁷ Post-Soviet Affairs, 1995 N 11, pp. 213, 214.

²⁸ Финансовые известия, 1994, 11 октября.

²⁹ Post-Soviet Affairs, 1995, N 11, p. 215.

³⁰ Post-Soviet Affairs, 1994, vol.10, N 4, p. 312.

соревнования двух систем в СССР, по-видимому, был настолько силен, что он не мог не сказаться на результатах работы большинства западных советологов.

И вот только теперь пришло, по-видимому, время реального сотрудничества экономистов и статистиков обеих стран в проведении более точных и современных сравнений с США основных макроэкономических показателей бывшего СССР и новой России. Нужно совместно пересчитать все прежние прямые двусторонние сопоставления СССР с США и начать новые – для России и США.

В заключение напомним, что по советским официальным данным объем произведенного национального дохода СССР определялся в размере $2/3$ от уровня США, а промышленного производства — в 80 %. Это вдвое преувеличивало реальное положение вещей.